

DOI: 10.31857/S0130386424040134

© 2024 г. А.К. ДУДАЙТИ

ГЕОПОЛИТИКА НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ: ДИНАМИКА РЕГИОНАЛЬНОГО СОПЕРНИЧЕСТВА ТУРЦИИ И ИРАНА ПОСЛЕ ВТОРОЙ КАРАБАХСКОЙ ВОЙНЫ

Дудайти Альберт Константинович — доктор исторических наук, доцент Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова (Владикавказ, Республика Северная Осетия — Алания, Россия).

E-mail: adudaiti@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7103-959X

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-59-56010 от 03.03.2021 г.

Аннотация. После Второй карабахской войны (2020) усилилась борьба Турции и Ирана за влияние на Южном Кавказе. При наличии значительного числа работ, посвященных отношениям двух государств, динамика их взаимодействия в этом регионе в постконфликтный период до сих пор не являлась предметом научного изучения. В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать эволюцию внешнеполитической стратегии Турции и Ирана на Южном Кавказе в последние годы. Актуальность исследования обусловлена возросшей политической и экономической ролью двух государств на постсоветском пространстве. Основная цель настоящей статьи — выявить особенности стратегических подходов Анкары и Тегерана к решению проблем, вызванных новыми угрозами и вызовами на Южном Кавказе после окончания Второй карабахской войны. Ключевыми задачами автора являются: рассмотрение факторов, лежащих в основе соперничества двух государств с учетом их воздействия на геополитические процессы на Южном Кавказе; анализ влияния конфликта на баланс сил в регионе и на внешнюю политику обеих стран; изучение реакции внешних акторов на усиление турецко-иранского противостояния. При работе над статьей были использованы официальные документы, выступления государственных деятелей, публикации в международных СМИ и т.д. Детальный анализ этих материалов позволяет сделать следующие выводы: после окончания Второй карабахской войны Турция задействовала дипломатические, экономические и военные механизмы для укрепления своих позиций на Южном Кавказе, используя поддержку Азербайджана; Иран же пытался скорректировать свою региональную стратегию, учитывая новые геополитические риски и возможности, следствием чего стало развитие стратегического партнерства с Арменией; постконфликтная ситуация на Южном Кавказе характеризовалась сложными политическими процессами, связанными с нерешенными вопросами территориальной интеграции, этнической напряженностью и поиском устойчивого мира.

Ключевые слова: Армения, Азербайджан, международные отношения, внешняя политика, геополитика, Южный Кавказ, войны, Турция, Иран, Зангезурский коридор.

A.K. Dudayti

Geopolitics in the South Caucasus: The Dynamics of Regional Rivalry Between Turkey and Iran After the Second Karabakh War

Albert Dudayti, North Ossetian State University after K.L. Khetagurov (Vladikavkaz, North Ossetia – Alania, Russia).

E-mail: adudaiti@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7103-959X

The study was carried out with financial support from the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) within the framework of scientific project № 20-59-56010, March 3, 2021.

Abstract. After the Second Karabakh War, the rivalry between Turkey and Iran for influence and positions in the South Caucasus has intensified. While there is a number of works focusing on Turkish-Iranian relations in the South Caucasus, the dynamics of their confrontational interaction in the region in the post-conflict period have not yet been examined. The relevance of the study is conditioned by the increased role of both Turkey and Iran in the contemporary geopolitics of the South Caucasus and their influence on the complex political and economic processes in the region. In the article, the author traces the strategy of both countries in the South Caucasus and highlights the negative impact of the Nagorno-Karabakh conflict on the regional interests of the two countries. The study draws on historical data and a comparative study of the political and economic strategies of both Turkey and Iran in the South Caucasus, based on official documents, speeches of government officials, and international reactions to the actions of both countries in the region. Based on the data presented, the author concludes that there is a growing rivalry between Turkey and Iran in the South Caucasus. Based on their rich historical ties to the region, these countries are making efforts to realise their geopolitical interests. The conflict of interests between Turkey, which seeks to strengthen its influence in the South Caucasus by supporting Azerbaijan, and Iran, which strives to maintain its sphere of regional influence by further developing strategic partnership relations with Armenia, may increase tension and confrontation in the region.

Keywords: Armenia, Azerbaijan, international relations, foreign policy, geopolitics, South Caucasus, wars, Turkey, Iran, Zangezur corridor.

Исследование динамики соперничества Турции и Ирана на Южном Кавказе представляет особую актуальность в контексте анализа геополитических изменений, произошедших после Второй карабахской войны. Анкара и Тегеран стремятся укрепить свои позиции в этом стратегически важном регионе, что влияет на политическую стабильность и безопасность не только на постсоветском пространстве, но и в более широком международном контексте.

В отечественной и зарубежной научной литературе имеется целый ряд публикаций, посвященных взаимодействию Турции и Ирана в регионе в конце XX – начале XXI в.¹ Изучение этих работ позволяет получить достаточно полное представление о геополитических трансформациях на Южном Кавказе после распада СССР и о развитии региональных отношений Турции и Ирана в этот период, включая их политический, экономический и другие аспекты. Однако проблематика, связанная с обострением соперничества двух стран после Второй карабахской войны, не получила широкого освещения в современной историографии. Настоящее исследование является попыткой заполнить данный пробел.

¹ См., например: *Аватков В.А., Касьяненко А.В.* Военно-политические отношения на Южном Кавказе в контексте треугольника «Россия-Турция-Иран» // *Мировая политика*. 2021. № 3. С. 1–18; *Ибрагимов А.Г.* Прагматичная внешняя политика Ирана на Южном Кавказе // *Постсоветские исследования*. 2022. Т. 5. № 6. С. 620–626; *Mahammadi M., Huseynov V.* Iran's Policies Toward the Karabakh Conflict // *The Nagorno-Karabakh Conflict: Historical and Political Perspectives* / eds H. Yavuz, M. Gunter. London, 2022; *Golmohammadi V., Markedonov S.M.* How Iran Perceives Turkey's Rise in the South Caucasus // *Russia in Global Affairs*. 2024. Vol. 22. № 1. P. 152–175.

После распада СССР и формирования однополярной системы международных отношений Южный Кавказ стал уникальным полем активного взаимодействия Ирана и Турции. Эти страны на протяжении столетий проявляли повышенный интерес к региону и стремились укрепить в нем свое влияние. С одной стороны, динамика турецко-иранских отношений открывала новые возможности для сотрудничества двух государств, но с другой — порожидала новые вызовы как для Анкары, так и для Тегерана в контексте геополитической конкуренции и поиска баланса интересов на Южном Кавказе². В 1990-х — начале 2000-х годов наблюдались явные признаки усиливающегося соперничества между Турцией и Ираном в различных регионах³. На Ближнем Востоке это проявлялось в гражданских конфликтах в Сирии и борьбой за влияние на Ливан. В этих странах Анкара и Тегеран стремились укрепить свои геополитические позиции, что приводило к нарушению исторически сложившегося баланса сил. На Южном Кавказе поддержка правительством Реджепа Тайипа Эрдогана Азербайджана в конфликте с Арменией из-за Нагорного Карабаха способствовала расширению турецкого влияния и углублению дипломатических, военных и экономических связей между Анкарой и Баку. Так закладывались основы для стратегического союза, во многом определяющего новый геополитический облик региона⁴.

Согласно ожиданиям многих аналитиков, события осени 2020 г. в Нагорном Карабахе, следствием которых стала интеграция части этой территории в состав Азербайджана, могли привести к разрядке политической напряженности на Южном Кавказе и создать предпосылки для долгосрочного мирного разрешения конфликта, что способствовало бы установлению стабильности в регионе и развитию экономического сотрудничества между Арменией и Азербайджаном⁵. Это снижало вероятность возникновения новых очагов напряженности.

По мнению ряда экспертов, Анкара стала ключевым игроком в процессе урегулирования нагорно-карабахского конфликта⁶. В то же время достигнутый Азербайджаном успех ограничивал влияние РФ на Южном Кавказе. Это способствовало изменению динамики геополитических отношений в регионе, который Москва традиционно рассматривала как зону своих интересов, вызвав обеспокоенность Тегерана. Ослабление российских позиций на Южном Кавказе могло привести к вмешательству США и ЕС в процесс урегулирования конфликта, что могло создать потенциальную угрозу для Ирана⁷. В период, предшествовавший событиям осени 2020 г., решение нагорно-карабахской проблемы по азербайджанскому и турецкому сценарию рассматривалось в политологических и экспертных кругах обещающим шагом в сторону укрепления мира на Южном Кавказе. Так, 7 мая 2014 г. американский сопредседатель Минской группы ОБСЕ Джеймс Уорлик заявил, что урегулирование конфликта мирным путем, согласно принципу территориальной целостности государств, может способствовать установлению стабильности в регионе⁸. Другие эксперты отмечали, что активное участие Азербайджана в международных организациях по сотрудничеству в области безопасности, таких как ОБСЕ, и поддержка Турции в этом процессе, приведут к достижению долгосрочного мира. Энн Дерс, занимавшая должность посла США в Азербайджане с 2006 по 2009 г., отметила в интервью корреспонденту

² Аватков В.А., Касьяненко А.В. Указ соч. С. 11.

³ Aydin M. Turkish Foreign Policy: Framework and Analysis. Ankara, 2004. P. 109–110.

⁴ Javadi Arjmand M.J. Iran and Turkey in the South Caucasus: Competition and Cooperation // Journal of Iran and Central Eurasia Studies. 2018. Vol. 1. Iss. 1. P. 17.

⁵ Turkey-Iran Rivalry in the Changing Geopolitics of the South Caucasus // News about Turkey. 28th September 2023. URL: <https://newsaboutturkey.com/2023/09/28/turkey-iran-rivalry-in-the-changing-geopolitics-of-the-south-caucasus/> (дата обращения: 19.12.2023).

⁶ Ibidem.

⁷ Iran hosts Armenia-Azerbaijan talks, Russia says main issue resolved in Nagorno-Karabakh // Reuters. October 23, 2023. URL: <https://www.reuters.com/world/russias-lavrov-visit-tehran-monday-ria-2023-10-22/> (дата обращения: 20.12.2023).

⁸ Warlick unveils position of the OSCE Minsk Group and called Baku and Yerevan to accept it // Turan. 7 May 2014. URL: <https://turan.az/en/politics/warlick-unveils-position-of-the-osce-minsk-group-and-called-baku-and-yerevan-to-accept-it> (дата обращения: 20.12.2023).

информационного агентства «Азертадж» 28 января 2009 г., что «нынешний момент является наиболее подходящим для поиска согласованного пути решения нагорно-карабахской проблемы». При этом дипломат подчеркнула активную роль США в данном процессе⁹. Однако после окончания Второй карабахской войны динамичные изменения в геополитическом балансе сил, предвещавшие появление новых вызовов для государств этого региона, создавали сложный контекст, требовавший особого внимания и дипломатической гибкости.

Усиление турецкого влияния на Южном Кавказе вызывало опасения у Ирана и России, поскольку возможное изменение баланса сил могло создать угрозу интересам этих держав¹⁰. Во время Второй карабахской войны влияние РФ в регионе, ее традиционная роль посредника между Ереваном и Баку, а также наличие российской военной базы в Армении создавали благоприятные условия для достижения мирного соглашения. Факторы геополитической стратегии и взаимозависимости государств Южного Кавказа оказались важными в процессе поиска путей решения конфликта. С конца 2021 г. прослеживалось постепенное ослабление влияния России на ситуацию вокруг Нагорного Карабаха, чему во многом способствовали внутривосточные изменения в странах региона¹¹. Одновременно с этим США и ЕС начали принимать более активное участие в мирных переговорах по Нагорному Карабаху¹². Это свидетельствовало о расширении числа акторов, вовлеченных в процесс урегулирования¹³. В сентябре 2023 г. российские миротворческие силы сыграли важную роль в разрешении конфликта между Нагорно-Карабахской Республикой (НКР) и Азербайджаном, подтверждая тем самым стремление Москвы к достижению политической стабильности в регионе и предотвращению дальнейшей эскалации боевых действий. Вмешательство миротворцев способствовало началу переговорного процесса и обеспечило основу для прекращения огня, что создавало благоприятные условия для установления мира.

Конструктивные усилия Анкары в урегулировании нагорно-карабахского конфликта содействовали положительной политической динамике в регионе Южного Кавказа, что позволило Турции и Азербайджану поставить на повестку дня вопрос создания Зангезурского коридора. Этот коридор протяженностью около 40 км, который должен был проходить через территорию Сюникской области Армении, рассматривался Баку в качестве возможного средства для обеспечения транспортного сообщения между западными районами Азербайджана и его эксклавом — Нахичеванской Автономной Республикой, а также восточной частью Турции. В случае реализации данного проекта Анкара могла укрепить экономические связи с Азербайджаном и странами Центральной Азии, получив сухопутный доступ к Каспийскому бассейну¹⁴. В то же время создание Зангезурского коридора лишало Тегеран возможности активного участия в региональной экономике, так как в этом случае появился бы новый маршрут для транспортировки товаров из Центральной Азии и Китая в Европу в обход территории Исламской Республики, что могло привести

⁹ Посол США: «Мы будем способствовать урегулированию Нагорно-Карабахского конфликта» // AZE. az. 28.01.2009. URL: https://aze.az/news_posol_ssha_myi_12229.html (дата обращения: 20.12.2023).

¹⁰ *Avdaliani E.* Iran battles Turkish influence in Caucasus // Aze.Media. November 2, 2022. URL: <https://aze.media/iran-battles-turkish-influence-in-south-caucasus/> (дата обращения: 20.12.2023).

¹¹ *Mirovalev M.* What role is Russia playing in the Nagorno-Karabakh conflict? // Al Jazeera. 19 October, 2020. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/10/19/is-russia-reduced-to-a-secondary-role-in-nagorno-karabakh> (дата обращения: 21.12.2023).

¹² Минская Группа сделала новое заявление по Нагорному Карабаху // Rusarminfo. 14.04.2021. URL: <https://rusarminfo.ru/2021/04/14/minskaya-gruppa-sdelala-novoe-zayavlenie-ponagornomu-karabaxu/> (дата обращения: 21.12.2023); Statement by the Co-Chairs of the OSCE Minsk Group. Geneva, 28 May 2021 // OSCE. 28 May 2021. URL: <https://www.osce.org/minskgroup/487879/> (дата обращения: 21.12.2023).

¹³ *Poghosyan B.* US policy in the South Caucasus prior to and after the 2020 Karabakh War in the Context of the Evolving Regional and International Geopolitics // Journal of Political Science: Bulletin of Yerevan University. 2022. Vol. 1. № 3. P. 40–41.

¹⁴ *Veliev C.* Turkey's Role in the South Caucasus // Academia. The South Caucasus. Between integration and fragmentation. May 2015. URL: https://www.academia.edu/33562845/Turkeys_Role_in_the_South_Caucasus (дата обращения: 22.12.2023).

к потере Ираном транзитных доходов и снижению его значимости как торгового партнера. Кроме того, возможное усиление экономического влияния Турции в регионе вследствие функционирования данного коридора способствовало бы ослаблению геополитических позиций Тегерана. В качестве альтернативы турецкому проекту в 2021 г. Иран предложил Азербайджану восстановить железную дорогу Тебриз – Нахичевань, значительная часть которой проходила через территорию Исламской Республики. Эта дорога была построена еще в 1908 г., но перестала действовать с началом нагорно-карабахского конфликта. По словам министра иностранных дел Ирана Мохаммада Джавада Зарифа, ее восстановление было необходимо для расширения торгово-экономических связей Исламской Республики с соседними государствами, а также получения доступа к евразийскому рынку¹⁵.

Тегеран стремился извлечь выгоду из событий на Южном Кавказе, пытаясь адаптироваться к новым геополитическим реалиям и поддерживая инициативу «3+3»¹⁶. Этот формат сотрудничества был призван объединить усилия Армении, Азербайджана, Грузии, а также России, Турции и Ирана по решению проблем безопасности, экономики и транспорта в регионе, а также способствовать устойчивому развитию отношений и улучшению взаимопонимания между вышеперечисленными странами¹⁷. Россия, Турция и Иран рассчитывали использовать имеющийся у них опыт разрешения региональных конфликтов (в частности, в Сирии) для обеспечения мира и стабильности на Южном Кавказе. Однако ожидания от сотрудничества в формате «3+3» оказались неоправданными вследствие противоречия интересов этих стран на постсоветском пространстве. Данное обстоятельство затрудняло согласование общей стратегии. Влияние на динамику региональных отношений США и стран ЕС также ставило под сомнение дальнейшую реализацию инициативы «3+3».

В контексте обсуждаемой темы важно отметить, что в рассматриваемый период Турция играла ведущую роль в процессе формирования основанной 12 ноября 2021 г. Организации тюркских государств (ОТГ), способствуя сближению Азербайджана со странами Центральной Азии. Это давало Анкаре стратегическое преимущество в соперничестве с Тегераном за влияние на Южном Кавказе¹⁸.

За два месяца до начала конфликта, в июле 2020 г., Р.Т. Эрдоган заявил, что Армения является «оккупантом в Нагорном Карабахе»¹⁹. Анкара предоставляла Баку не только дипломатическую, но и военную помощь, включая поставки оружия. В результате этих действий турецкое влияние на ход конфликта в Нагорном Карабахе существенно возросло. Сотрудничество Турции и Азербайджана в ряде сфер продолжалось и после окончания войны. Важным событием, способствовавшим дальнейшему развитию отношений между Анкарой и Баку, стало подписание 15 июня 2021 г. Шумшинской декларации. Этот документ подтверждал курс двух стран на стратегическое партнерство. В нем подчеркивалась важность укрепления безопасности на Южном Кавказе, а также совместных усилий по

¹⁵ *Kaleji V.* Iran and South Caucasus Railway Connections after the Nagorno-Karabagh War // The Central Asia-Caucasus analyst. 08 July, 2021. URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13677-iran-and-south-caucasus-railway-connections-after-the-nagorno-karabakh-war.html> (дата обращения: 19.12.2023).

¹⁶ Инициатива «3+3» была выдвинута в 1996 г. президентом Армении Левоном Тер-Петросяном и предполагала создание форума для обсуждения вопросов безопасности и сотрудничества между Арменией, Азербайджаном и Грузией, а также Турцией, Ираном и Россией в качестве наблюдателей.

¹⁷ Региональная платформа «3+3» выглядит все более перспективной для Кавказа – министр иностранных дел Лавров // ТАСС. 5 декабря 2023 г. URL: https://tass.com/politics/1715999?utm_source-yandex.ru&utm_medium-organic&utm_campaign-yandex.ru&utm_referrer-yandex.ru (дата обращения: 19.12.2023).

¹⁸ *Mustofayev M.* The Organization of Turkic States: A New Approach to Global and Regional Challenges // Perceptions. Journal of International Affairs. 2022. Vol. 27. Iss. 1. P. 107–108.

¹⁹ “Erdogan explained clearly to Putin that Armenia is an occupier” Ibrahim Kalin // Eurasia Diary News. 28.07.2020. URL: <https://ednews.net/en/news/world/435840-erdogan-explained-clearly-to-putin-that-armenia-is-an-occupier> (дата обращения: 21.12.2023).

развитию экономики и инфраструктуры²⁰. Сотрудничество Турции и Азербайджана во многом определяло геополитические интересы двух стран и являлось важным фактором региональной стабильности. В период, когда Баку укреплял свои военные возможности при турецкой поддержке, Анкара рассматривала Азербайджан как «плацдарм» для усиления своего влияния на Южном Кавказе и в Центральной Азии. Союз с Азербайджаном способствовал и расширению экономических связей Турции на Южном Кавказе, в частности через включение Анкары в такие важные проекты, как нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан²¹, железнодорожный транспортный коридор Баку – Тбилиси – Карс, Южно-Кавказский газопровод (Баку – Тбилиси – Эрзурум)²².

В изучаемый период Южный Кавказ рассматривался Анкарой как географический и экономический «мост» в Центральную Азию. В рамках турецкой стратегической доктрины оба этих региона мыслились как единое пространство, формирующее основу тюркского мира, простирающегося от Адриатического моря до Великой Китайской стены²³. Еще в 2009 г. с целью углубления интеграционных процессов со странами Центральной Азии по инициативе Анкары была основана межправительственная организация Совет сотрудничества тюркских государств (ССТГ). В ее состав вошли Турция, Азербайджан, Казахстан, Киргизстан и Узбекистан. Венгрия, Туркменистан и Турецкая Республика Северного Кипра получили статус наблюдателей при Совете. Как отмечалось выше, в 2021 г. на основе ССТГ была создана Организация тюркских государств, которая была призвана подчеркнуть возросшую роль «тюркского мира» в глобальной политике. Нелишне предположить, что, по замыслу лидеров Турции, реализация проекта Зангезурского коридора должна была способствовать дальнейшей интеграции тюркоязычных стран.

Одновременно с этими процессами наблюдались усилия Тегерана по расширению и развитию сотрудничества с государствами Южного Кавказа. Исторические и культурные узы, объединяющие иранцев с народами этого региона, являлись важным фактором, благоприятствовавшим развитию связей между ними в рассматриваемый период²⁴. Особое значение придавалось отношениям с Азербайджаном. В Тегеране исходили из убеждения, что общая шиитская вера и историческое прошлое двух народов являются прочной основой для сближения с Баку²⁵, которому могли способствовать и миллионы этнических азербайджанцев, проживающих на территории Ирана.

Еще в начале 1990-х годов Иран предпринимал попытки вовлечь Азербайджан в зону своего влияния²⁶. В данный период было подписано несколько двусторонних соглашений о торговле, включая договор о поставках нефти и газа из Ирана в Азербайджан и обратно. Одновременно с этим реализовывались программы культурного обмена, укреплялись религиозные связи между двумя странами. Однако после прихода к власти в Азербайджане в июне 1992 г. лидера Народного фронта Абульфаза Эльчибея отношения между Тегераном и Баку стали ухудшаться. Иранское правительство опасалось распространения азербайджанского национализма на территории северо-западных провинций страны, в регионе,

²⁰ The full text of the Shusha Declaration // Aze.Media. June 18, 2021. URL: <https://aze.media/the-full-text-of-the-shusha-declaration/> (дата обращения: 20.12.2023).

²¹ Erşen E., Çelikpala M. Turkey and the changing energy geopolitics of Eurasia // Energy Policy. 2019. Vol. 128. P. 586.

²² Гаджиев К. С. Отношения Ирана и Турции с государствами Южного Кавказа // Россия и новые государства Евразии. 2020. № II (XLVII). С. 103.

²³ Суванова М. С. Политика Турции на Южном Кавказе // Проблемы постсоветского пространства. 2018. Т. 5. № 3. С. 287.

²⁴ Mehdi S., Jahangir K. Iran's Eastern Policy: Potential and Challenges // Russia in Global Affairs. 2021. Vol. 19. № 3 (75). P. 25–49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iran-s-eastern-policy-potential-and-challenges> (дата обращения: 22.12.2023).

²⁵ Ибрагимов А. Г. Указ. соч. С. 622.

²⁶ Avdaliani E. Iran in the South Caucasus: Adjustment and Evolution // RUSI. 26 February 2021. URL: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/iran-south-caucasus-adjustment-and-evolution> (дата обращения: 20.12.2023).

населенном преимущественно этническими азербайджанцами. Это не могло не повлиять и на позицию Тегерана по нагорно-карабахскому конфликту.

В ходе Первой карабахской войны Иран предпринимал посреднические усилия с целью прекращения огня и снижения напряженности в регионе. В 1992 г. президент Ирана Хашеми Рафсанджани (1989–1997) встречался с лидерами Армении и Азербайджана для обсуждения условий остановки боевых действий и поиска дипломатического решения конфликта. При этом руководство Исламской Республики подчеркивало, что выступает за сохранение статус-кво в регионе²⁷. В то же время Тегеран стремился оказывать опосредованное влияние на участников конфликта. В частности, предпринимались попытки ужесточения контроля над единственным транспортным коридором, соединявшим территорию Азербайджана с нахичеванским эксклавом, который проходил через территорию Ирана. Для азербайджанской стороны создавались дополнительные сложности и ограничения в перемещении грузов и людей, что, по замыслу иранского руководства, должно было способствовать скорейшему согласию Баку на мирные переговоры²⁸.

Вскоре после начала Второй карабахской войны Иран пересмотрел основные принципы своей региональной политики²⁹. В частности, Исламская Республика поддержала действия Азербайджана по «освобождению» Нагорного Карабаха. Теперь официальный Тегеран рассматривал территории, находившиеся под контролем НКР, как «оккупированные мусульманские земли»³⁰. Поворот в подходе к нагорно-карабахской проблеме был обусловлен осознанием руководством страны политических выгод, которые мог получить Иран в случае победы Азербайджана в войне. Поддерживая предполагаемого победителя, Тегеран рассчитывал сыграть роль посредника в ходе последующих переговоров между сторонами конфликта. В случае реализации этого сценария Иран получал возможность участвовать в формировании послевоенного порядка и укрепить свои позиции на Южном Кавказе. Предпринятый Тегераном геополитический маневр также открывал новые перспективы для более тесного и активного взаимодействия с ключевыми региональными игроками с целью разрешения военных и политических конфликтов. Кроме того, недостаточно последовательная позиция иранского правительства в вопросе нагорно-карабахского урегулирования в предшествовавший период вызывала негативную реакцию у представителей азербайджанского населения страны. Рост протестных настроений в северо-западных провинциях являлся предметом беспокойства для государственного руководства Ирана³¹. Этим обстоятельством также была обусловлена смена внешнеполитического вектора и поддержка официальным Тегераном проводимой Баку военной операции в Нагорном Карабахе.

Между тем последующее развитие событий показало, что выгодный для Исламской Республики сценарий урегулирования конфликта не был реализован. После победы Азербайджана в войне благоприятные условия для обеспечения безопасности Ирана и продвижения его экономических интересов в регионе так и не были созданы и даже не являлись предметом обсуждения в ходе переговоров по нагорно-карабахскому урегулированию. Тегеран стремился получить гарантии защиты от угроз со стороны Израиля, усилившего свое влияние на Южном Кавказе в результате военных поставок Азербайджану в период, предшествовавший Второй карабахской войне. Однако эти усилия оказались тщетными, поскольку Иран не обладал достаточными ресурсами, чтобы оказать давление на Азербайджан с целью прекращения сотрудничества с Иерусалимом. Кроме того, Баку рассматривал

²⁷ Joint Statement of the Heads of State in Tehran. 7 May, 1992 // United Nations. 7 May, 1992. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/ArmeniaAzerbaijanIran_JointStatementHeadsOfState1992.pdf (дата обращения: 20.12.2023).

²⁸ Behravesht M., Azizi H. Iran, and the Nagorno-Karabakh Conflict: Preserving the Status Quo // Gulf International Forum. 2020. URL: <https://gulif.org/iran-and-the-nagorno-karabakh-conflict-preserving-the-status-quo/> (дата обращения: 20.12.2023).

²⁹ Golmohammadi V., Markedonov S.M. Op. cit. P. 154.

³⁰ Mohammadi M., Huseynov V. Op. cit. P. 381.

³¹ Наджафов Г.Н. Иран и государства Южного Кавказа // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 1 (55). С. 43.

получение современных видов вооружений от Израиля как способ обеспечения своей безопасности и защиты собственных интересов в регионе. Азербайджанское правительство не было готово пойти на уступки Ирану в данном вопросе. Вследствие этого возникла вероятность того, что официальный Тегеран займет проармянскую позицию в нагорно-карабахском конфликте и будет стремиться к развитию контактов с Ереваном. Действительно, во второй половине 2021 г. активизировались ирано-армянские двусторонние отношения. 21 октября в городе Капане (центр Сюникской области Армении) было открыто Генеральное консульство Исламской Республики Иран. В этот же период возобновились встречи между официальными представителями двух стран, прерванные после начала Второй карабахской войны. В настоящее время сотрудничество между Ереваном и Тегераном продолжает развиваться в различных областях, включая экономику, торговлю, энергетику, культуру. Сегодня двусторонние отношения продолжают представлять особую важность и актуальность как для Ирана, так и для Армении.

Окончание Второй карабахской войны ознаменовало новый этап в турецко-иранском соперничестве на Южном Кавказе, который характеризовался ослаблением экономического и дипломатического влияния Тегерана в регионе и усилением позиций Анкары, успешно реализовывавшей свои геополитические задачи в постконфликтных условиях³². Следствием этих изменений стало формирование в регионе нового многополярного «ландшафта». Статус России как доминирующей державы на Южном Кавказе был поставлен под сомнение, в то время как Турция и Азербайджан начали играть более значимую роль в региональных процессах. Анкара и Баку де-факто отвергли прежний статус-кво, установившийся на Южном Кавказе еще в 1990-е годы, в условиях которого реализовывалась внешнеполитическая стратегия Ирана³³.

Предыдущий геополитический «порядок» ограничивал попытки западных стран укрепить их позиции на Южном Кавказе, а также создавал преграды на пути расширения влияния Турции, что соответствовало интересам Ирана. Новая ситуация, сложившаяся в регионе в постконфликтный период, с точки зрения иранского руководства, угрожала безопасности страны вследствие роста напряженности на ее северной границе, усиления миграционных потоков и т.д. В Тегеране с недовольством наблюдали за успешно развивавшимся политическим и экономическим сотрудничеством Турции с Азербайджаном и Грузией. Иранский военно-политический истеблишмент видел в этом сотрудничестве потенциальную угрозу своим интересам на Южном Кавказе. Кроме того, Исламская Республика выражала беспокойство по поводу планов реализации проекта Зангезурского транспортного коридора. В Анкаре данному проекту придавалось особое значение, что отметил Р.Т. Эрдоган в своем выступлении на Генеральной Ассамблее ООН 19 сентября 2023 г.³⁴ Тегеран опасался дальнейшей реализации «пантюркистской» программы в регионах Южного Кавказа и Центральной Азии и даже в северо-западных районах Ирана. Данный сценарий мог быть осуществлен в случае успеха продвигаемого Анкарой и Баку транспортного проекта.

Как отмечалось выше, получение Турцией выхода к Каспийскому морю способствовало бы расширению влияния Анкары на Южном Кавказе и изменению геополитического баланса в регионе. Вопрос безопасности и сохранения территориальной целостности Ирана получал вследствие этого особую актуальность. Одной из целей Зангезурского проекта являлось укрепление связей Азербайджана с Турцией и другими странами, что могло создать геополитическую угрозу для Ирана. В Тегеране считали, что подобные изменения на Южном Кавказе связаны с серьезными рисками и поэтому не могут быть допущены.

³² Андреева Е. С. Влияние конфликта в Нагорном Карабахе 2020 г. на политику Ирана на Южном Кавказе // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 5 (68). С. 110–111.

³³ Veliev C. Op. cit.

³⁴ Speech of the President of Türkiye Recep Tayyip Erdoğan at the 78th session of the United Nations General Assembly // The America Times. September 20, 2023. URL: <https://www.america-times.com/speech-of-the-president-of-turkiye-recep-tayyip-erdogan-at-the-78th-session-of-the-united-nations-general-assembly/> (дата обращения: 22.12.2023).

Идея создания Зангезурского коридора рассматривалась иранскими лидерами не как самостоятельный проект, а, скорее, как важная часть грандиозного плана, инициированного НАТО и Турцией, целью которого являлось максимальное ослабление влияния Исламской Республики в регионе³⁵.

Важно отметить, что проект Зангезурского коридора в целом был поддержан Россией, что было обусловлено стремлением Москвы получить контроль над этим маршрутом. По условиям соглашения о прекращении огня в зоне нагорно-карабахского конфликта, подписанного 9 ноября 2020 г., ответственность за транспортное сообщение между западными районами Азербайджана и Нахичеванской Автономной Республикой возлагалась на Пограничную службу ФСБ России³⁶. Данное решение было направлено на развитие сотрудничества РФ с Турцией и Азербайджаном и являлось стратегически важным для Москвы в условиях санкционного режима, введенного США и ЕС после воссоединения Крыма с Россией в 2014 г.³⁷ Это не могло не повлиять на отношения Анкары с Тегераном, который выражал недовольство тем, что Турция оценивала иранскую внешнюю политику как чересчур амбициозную, особенно в таких регионах, как Южный Кавказ и Ближний Восток³⁸. Как отмечалось выше, интересы Ирана в данных регионах сталкивались с интересами других влиятельных держав, что усиливало напряженность во взаимоотношениях с ними. В связи с этим сотрудничество Турции с ведущими западными странами в постконфликтный период вызывало дополнительные опасения Ирана относительно перспектив развития ситуации на Южном Кавказе. Тем не менее, столкнувшись с необходимостью учитывать возросшее после Второй карабахской войны влияние Турции в регионе, в Тегеране вынуждены были предпринимать осторожные шаги в направлении активизации отношений с Анкарой. Прежде всего речь шла о развитии экономических связей (преимущественно в таких сферах, как энергетика и транспорт), в которых Иран был особенно заинтересован: актуальность сотрудничества с Турцией в этой сфере была очевидной в условиях западных санкций, введенных против Тегерана в 1979 г. и не отмененных вплоть до настоящего времени. Кроме того, реализация прежнего курса на противостояние региональным амбициям Анкары осложнялась тем, что внешнеполитические действия Ирана имели весьма ограниченную поддержку со стороны России.

Одним из наиболее серьезных вызовов для иранской политики на Южном Кавказе стало развитие израильско-азербайджанского сотрудничества в разных сферах — политической, экономической, военно-технической³⁹. Напомним, что с 2008 г. Израиль осуществлял поставки вооружений Азербайджану в обмен на нефть, а также разведывательные данные об иранской военной инфраструктуре, что не могло не вызывать беспокойства в Тегеране. Вплоть до сегодняшнего дня отношения с Азербайджаном являются частью региональной стратегии еврейского государства, направленной на ослабление влияния Ирана на Южном Кавказе⁴⁰. После вооруженных столкновений между армянскими и азербайджанскими военными вблизи иранской границы находившийся с визитом в Баку 3 октября 2022 г.

³⁵ См.: *Chedia A.R. Zangezur Corridor: Economic Potential and Political Constraints // Russia in Global Affairs. 2024. Vol. 22. № 1. P. 194–216.*

³⁶ Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации // *Kremlin.ru*. 10 ноября 2020 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64384> (дата обращения: 19.12.2023).

³⁷ *Kaleji V. Russia and Iran Diverge in the South Caucasus // The Central Asia-Caucasus analyst. June 15, 2023. URL: https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13758-russia-and-iran-diverge-in-the-south-caucasus.html* (дата обращения: 19.12.2023).

³⁸ *Rezaei F. Iran's Foreign Policy After the Nuclear Agreement: Politics of Normalizers and Traditionalists. London, 2018. P. 189–215.*

³⁹ *Евсеев В.В., Сажин В.И. Иран, уран и ракеты. М., 2009. С. 134.*

⁴⁰ *Дудайти А.К. Основные направления региональной политики Ирана на Южном Кавказе в постсоветский период (1991–2011 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9. № 4. С. 557.*

министр обороны Израиля Бени Ганц выразил поддержку руководству Азербайджана⁴¹. Ответом на это стало проведение во второй половине октября того же года на северо-западе Ирана военных учений сухопутных войск Корпуса стражей Исламской революции под кодовым названием «Сила». Эти учения являлись своеобразным сигналом азербайджанскому руководству о том, что Иран расценивает дальнейшее сближение Баку и Иерусалима как угрозу собственной безопасности. В этих условиях нельзя было исключить, что в случае возникновения конфликта между Азербайджаном и Арменией из-за Зангезурского коридора Иран, сохраняя претензии на роль регионального лидера, мог прибегнуть к более решительным действиям, включая предоставление Еревану военной помощи, а также поддержку Курдской рабочей партии на территории Турции⁴². Подобные действия не могли не остаться без ответа со стороны Анкары, связанной с Баку союзническими обязательствами. Вооруженное столкновение между Турцией и Ираном негативно отразилось бы на системе безопасности на Южном Кавказе и привело бы к обострению межэтнической напряженности в регионе⁴³.

Региональное соперничество Ирана и Турции, а также развитие военно-политического сотрудничества между Азербайджаном и Израилем имели негативные последствия для Южного Кавказа. Вынужденное признание Арменией факта установления азербайджанского суверенитета над Нагорным Карабахом не привело к снижению напряженности в зоне конфликта, так как Баку продолжал претендовать на Зангезурский коридор, контроль над которым представлял особую актуальность в контексте турецко-азербайджанских двусторонних отношений. Кроме того, существовала опасность более широкой военной конфронтации на Южном Кавказе с участием Ирана, Турции и Израиля. Последствия такого масштабного конфликта могли быть разрушительными: пострадала бы экономика (включая торговые маршруты), прекратились бы поступления инвестиций, регион оказался бы отброшенным в своем развитии на десятилетия назад. Вспышка военных действий вызвала бы новые жертвы среди гражданского населения, массовое перемещение беженцев и разрушение гражданской инфраструктуры.

Эскалация напряженности на Южном Кавказе была чревата негативными последствиями и для ЕС. Этот регион, являющийся коридором для поставок нефти и газа на европейский рынок, играет важную роль в обеспечении энергетической безопасности континента. Широкомасштабный конфликт на Южном Кавказе может привести к прекращению или к перебоям в снабжении стран ЕС энергоресурсами. В условиях отсутствия российского сырья из-за сложившейся ситуации на Украине потеря каспийских нефти и газа стала бы катастрофой для европейских государств. Вследствие нестабильной обстановки в регионе ставились под угрозу и экономические интересы ЕС — от инвестиций до торгового партнерства и инфраструктурных проектов. Исходя из этого, в Брюсселе выражали серьезную обеспокоенность обострением ситуации на Южном Кавказе. ЕС поддерживал усилия посредников и международных организаций в поиске устойчивого решения нагорно-карабахского конфликта⁴⁴.

После Третьей карабахской войны (19–20 сентября 2023 г.) Турция и Иран продолжали бороться за влияние на Южном Кавказе. Конфликт интересов Анкары и Тегерана являлся следствием противоречий, обусловленных разными стратегическими целями двух стран: Турция поддерживала Азербайджан, рассчитывая путем реализации масштабных

⁴¹ Ben Aharon E. Between Geopolitics and Identity Struggle: Why Israel Took Sides with Azerbaijan in the Nagorno-Karabakh Conflict. Frankfurt a. M.; Leibnitz, 2023. P. 24.

⁴² Mateo A. G. Power games in the Caucasus: Iranian influence on the Nagorno-Karabakh conflict // Aze. Media. December 11, 2021. URL: <https://aze.media/power-games-in-the-caucasus-iranian-influence-on-the-nagorno-karabakh-conflict/> (дата обращения: 20.12.2023).

⁴³ Vatanka A. Iran, Turkey, and the future of the South Caucasus // Middle East Institute. May 4, 2022. URL: <https://www.mei.edu/publications/iran-turkey-and-future-south-caucasus> (дата обращения: 20.12.2023).

⁴⁴ Addressing Azerbaijan's concerns amid rising tensions ahead of Brussels meeting // Caliber.Az. 04 April 2024. URL: <https://caliber.az/en/post/232042/> (дата обращения: 12.05.2024).

инфраструктурных проектов укрепить свои позиции на Южном Кавказе, а Иран стремился сохранить собственную сферу влияния в этом регионе в том числе путем расширения сотрудничества с Арменией. Впрочем, региональное соперничество в целом не мешало развитию двусторонних отношений между Турцией и Ираном в период до и после Третьей карабахской войны. Анкара и Тегеран поддерживали активные экономические связи. Так, в 2020 г. объем двусторонней торговли составил 6 млрд долл. (с перспективой увеличения до 30 млрд долл.).⁴⁵ Кроме того, Иран является крупным поставщиком природного газа в Турцию. Еще в 2001 г. был запущен газопровод Тебриз — Анкара, ставший важным элементом энергетической безопасности Турции.⁴⁶ Наконец, две страны развивали сотрудничество в сфере борьбы с терроризмом. Проводимые их спецслужбами совместные операции и обмен разведывательной информацией способствовали снижению террористической активности в приграничных районах.

В начале 2020-х годов геополитическая обстановка в регионе Южного Кавказа претерпела значительные изменения. Исследование эволюции внешнеполитических подходов Турции и Ирана в период после окончания Второй карабахской войны позволяет выявить новые аспекты в стратегических приоритетах двух стран, а также определить степень влияния соперничества Анкары и Тегерана на баланс сил в регионе. Турция задействовала дипломатические, экономические и военные механизмы для укрепления своих позиций на Южном Кавказе. Иран же пытался скорректировать свою региональную стратегию, учитывая новые геополитические риски и возможности. Постконфликтная ситуация на Южном Кавказе характеризовалась сложными политическими процессами, связанными с нерешенными вопросами территориальной интеграции, этнической напряженностью и поиском устойчивого мира. Взаимодействие Турции и Ирана в рассматриваемый период стало ответом на вызовы, с которыми эти государства столкнулись в таких сферах, как политика, безопасность и экономика. Данными вызовами во многом обусловлена важность глубокого понимания динамично меняющейся геополитической карты Южного Кавказа и учета степени влияния различных акторов на сложные процессы в этом беспокойном регионе постсоветского пространства.

Библиография / References

Аватков В.А., Касьяненко А.В. Военно-политические отношения на Южном Кавказе в контексте треугольника «Россия-Турция-Иран» // Мировая политика. 2021. № 3. С. 1–18.

Андреева Е.С. Влияние конфликта в Нагорном Карабахе 2020 г. на политику Ирана на Южном Кавказе // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 5 (68). С. 104–116.

Гаджиев К.С. Отношения Ирана и Турции с государствами Южного Кавказа // Россия и новые государства Евразии. 2020. № II (XLVII). С. 94–106.

Дудайти А.К. Основные направления региональной политики Ирана на Южном Кавказе в постсоветский период (1991–2011 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9. № 4. С. 556–562.

Евсеев В.В., Сажин В.И. Иран, уран и ракеты. М., 2009.

Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации // Kremlin.ru. 10 ноября 2020 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64384> (дата обращения: 19.12.2023).

Ибрагимов А.Г. Прагматичная внешняя политика Ирана на Южном Кавказе // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5. № 6. С. 620–626.

Минская Группа сделала новое заявление по Нагорному Карабаху // Rusarminfo. 14.04.2021. URL: <https://rusarminfo.ru/2021/04/14/minskaya-gruppa-sdelala-novoe-zayavlenie-ponagornomu-karabahu/> (дата обращения: 21.12.2023).

Наджафов Г.Н. Иран и государства Южного Кавказа // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 1 (55). С. 41–50.

⁴⁵ President Urges Removing Barriers to Expansion of Iran-Turkey Trade Ties // Tanzim News Agency. 25 January 2024. URL: <https://www.tasnimnews.com/en/news/2024/01/25/3028785/president-urges-removing-barriers-to-expansion-of-iran-turkey-trade-ties> (дата обращения: 30.01.2024).

⁴⁶ *Narutunyan S.* Türkiye: the prospect of becoming an international energy center // Noravank Foundation. 19.03.2009. URL: http://noravank.am/eng/articles/detail.php?ELEMENT_ID=3593 (дата обращения: 30.01.2024).

Посол США: «Мы будем способствовать урегулированию Нагорно-Карабахского конфликта» // AZE.az. 28.01.2009. URL: https://aze.az/news_posol_ssha_myi_12229.html (дата обращения: 20.12.2023).

Региональная платформа «3+3» выглядит все более перспективной для Кавказа — министр иностранных дел Лавров // ТАСС. 5 декабря 2023 г. URL: https://tass.com/politics/1715999?utm_source-yandex.ru&utm_medium-organic&utm_campaign-yandex.ru&utm_referrer-yandex.ru (дата обращения: 19.12.2023).

Суванова М.С. Политика Турции на Южном Кавказе // Проблемы постсоветского пространства. 2018. Т. 5. № 3. С. 284–297.

Andreeva E.S. Vliianie konfliktu v Nagornom Karabahe 2020 g. na politiku Irana na Iuzhnom Kavkaze [Impact of the 2020 nagorno-karabakh conflict on Iran's policy in the South Caucasus] // Problemy national'noi strategii [Problems of national strategy]. 2021. № 5 (68). S. 104–116. (In Russ.)

Avatkov V.A., Kas'ianenko A.V. Voenno-politicheskie otnosheniia na Iuzhnom Kavkaze v kontekste treugol'nika "Rossiia-Turciia-Iran" [Political-military relations in the South Caucasus in the context of the "Iran-Russia-Turkey" triangle] // Mirovaia politika [Global Politics]. 2021. № 3. S. 1–18. (In Russ.)

Dudajiti A.K. Osnovnye napravleniia regional'noi politiki Irana na Iuzhnom Kavkaze v postsovetiskii period (1991–2011 gg.) [Main directions of Iran's regional policy in the South Caucasus in the post-Soviet period (1991–2011)] // Gumanitarnye i iuridicheskie issledovaniia [Humanities and legal studies]. 2022. Т. 9. № 4. S. 556–562. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.4 (In Russ.)

Evseev V.V., Sazhin V.I. Iran, uran i rakety [Iran, uranium and missiles]. Moskva, 2009. (In Russ.)

Gadzhev K.S. Otnosheniia Irana i Turcii s gosudarstvami Iuzhnogo Kavkaza [Relations of Iran and Turkey with the States of the South Caucasus] // Rossiia i novye gosudarstva Evrazii [Russia and New States of Eurasia]. 2020. № II (XLVII). S. 94–106. (In Russ.)

Ibragimov A.G. Pragmatichnaia vneshniaia politika Irana na Iuzhnom Kavkaze [Pragmatic Foreign Policy of Iran in the South Caucasus] // Postsovetskie issledovaniia [Post-Soviet Studies]. 2022. Т. 5. № 6. S. 620–626. (In Russ.)

Minskaia Gruppa sdelala novoe zaiavlenie po Nagornomu Karabakhu [The Minsk Group made a new statement on Nagorno-Karabakh] // Rusarminfo. 14.04.2021. URL: <https://rusarminfo.ru/2021/04/14/minskaya-gruppa-sdelala-novoe-zayavlenie-ponagornomu-karabaxu/> (access date: 21.12.2023). (In Russ.)

Nadzhafov G.N. Iran i gosudarstva Iuzhnogo Kavkaza [Iran and the States of the South Caucasus] // Tsentral'naia Aziia i Kavkaz [Central Asia and the Caucasus]. 2008. № 1 (55). S. 41–50. (In Russ.)

Posol SSHa: "My budem sposobstvovat' uregulirovaniu Nagorno-Karabakhskogo konfliktu" [US Ambassador: "We will contribute to the resolution of the Nagorno-Karabakh conflict"] // AZE.az. 28.01.2009. URL: https://aze.az/news_posol_ssha_myi_12229.html (access date: 20.12.2023). (In Russ.)

Regional'naia platforma "3+3" vygliadit vse bolee perspektivnoi dlia Kavkaza — ministr inostrannykh del Lavrov [Regional "3 + 3" platform looking ever more promising for Caucasus — Foreign Minister Lavrov] // TASS. 5 dekabria 2023 g. [December 5, 2023]. URL: https://tass.com/politics/1715999?utm_source-yandex.ru&utm_medium-organic&utm_campaign-yandex.ru&utm_referrer-yandex.ru (access date: 19.12.2023). (In Russ.)

Suvanova M.S. Politika Turtsii na Iuzhnom Kavkaze [Turkish policy in the South Caucasus] // Problemy postsovetского prostranstva [Post-Soviet Space Problems]. 2018. Т. 5. № 3. S. 284–297. (In Russ.)

Zaiavlenie Prezidenta Azerbajdzhanskoi Respubliki, Prem'er-ministra Respubliki Armeniia i Prezidenta Rossiiskoi Federatsii [Statement by President of the Republic of Azerbaijan, Prime Minister of the Republic of Armenia and President of the Russian Federation] // Kremlin.ru. 10 noiabria 2020 g. [November 10, 2020]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64384> (access date: 12.19.2023). (In Russ.)

Addressing Azerbaijan's concerns amid rising tensions ahead of Brussels meeting // Caliber.Az. 04 April 2024. URL: <https://caliber.az/en/post/232042/> (access date: 12.05.2024).

Avdaliani E. Iran battles Turkish influence in Caucasus // Aze.Media. November 2, 2022. URL: <https://aze.media/iran-battles-turkish-influence-in-south-caucasus/> (access date: 20.12.2023).

Avdaliani E. Iran in the South Caucasus: Adjustment and Evolution // RUSI. 26 February 2021. URL: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/iran-south-caucasus-adjustment-and-evolution> (access date: 20.12.2023).

Aydin M. Turkish Foreign Policy: Framework and Analysis. Ankara, 2004.

Behravesht M., Azizi H. Iran, and the Nagorno-Karabakh Conflict: Preserving the Status Quo // Gulf International Forum. 2020. URL: <https://gulffif.org/iran-and-the-nagorno-karabakh-conflict-preserving-the-status-quo/> (access date: 20.12.2023).

Ben Aharon E. Between Geopolitics and Identity Struggle: Why Israel Took Sides with Azerbaijan in the Nagorno-Karabakh Conflict. Frankfurt a. M.; Leibnitz, 2023.

Chedia A.R. Zangezur Corridor: Economic Potential and Political Constraints // Russia in Global Affairs. 2024. Vol. 22. № 1. P. 194–216.

"Erdogan explained clearly to Putin that Armenia is an occupier" Ibrahim Kalin // Eurasia Diary. 28.07.2020. URL: <https://ednews.net/en/news/world/435840-erdogan-explained-clearly-to-putin-that-armenia-is-an-occupier> (access date: 21.12.2023).

- Ersen E., Çelikpala M.* Turkey and the changing energy geopolitics of Eurasia // *Energy Policy*. 2019. Vol. 128. P. 584–592.
- Golmohammadi V., Markedonov S.M.* How Iran Perceives Turkey's Rise in the South Caucasus // *Russia in Global Affairs*. 2024. Vol. 22. № 1. P. 152–175.
- Harutyunyan S.* Türkiye: the prospect of becoming an international energy center // *Noravank Foundation*. 19.03.2009. URL: http://noravank.am/eng/articles/detail.php?ELEMENT_ID-3593 (access date: 30.01.2024).
- Iran hosts Armenia-Azerbaijan talks, Russia says main issue resolved in Nagorno-Karabakh // *Reuters*. October 23, 2023. URL: <https://www.reuters.com/world/russias-lavrov-visit-tehran-monday-ria-2023-10-22/> (access date: 20.12.2023).
- Javadi Arjmand M.J.* Iran and Turkey in the South Caucasus: Competition and Cooperation // *Journal of Iran and Central Eurasia Studies*. 2018. Vol. 1. Iss. 1. P. 15–31.
- Joint Statement of the Heads of State in Tehran. 7 May, 1992 // *United Nations*. 7 May, 1992. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/ArmeniaAzerbaijanIran_JointStatementHeadsofState1992.pdf (access date: 20.12.2023).
- Kaleji V.* Iran and South Caucasus Railway Connections after the Nagorno-Karabagh War // *The Central Asia-Caucasus analyst*. 08 July, 2021. URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13677-iran-and-south-caucasus-railway-connections-after-the-nagorno-karabakh-war.html> (access date: 19.12.2023).
- Kaleji V.* Russia and Iran Diverge in the South Caucasus // *The Central Asia-Caucasus analyst*. June 15, 2023. URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13758-russia-and-iran-diverge-in-the-south-caucasus.html> (access date: 19.12.2023).
- Mahammadi M., Huseynov V.* Iran's Policies Toward the Karabakh Conflict // *The Nagorno-Karabakh Conflict: Historical and Political Perspectives* / eds H. Yavuz, M. Gunter. London, 2022.
- Mateo A.G.* Power games in the Caucasus: Iranian influence on the Nagorno-Karabakh conflict // *Aze. Media*. December 11, 2021. URL: <https://aze.media/power-games-in-the-caucasus-iranian-influence-on-the-nagorno-karabakh-conflict/> (access date: 20.12.2023).
- Mehdi S., Jahangir K.* Iran's Eastern Policy: Potential and Challenges // *Russia in Global Affairs*. 2021. Vol. 19. № 3 (75). P. 25–49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iran-s-eastern-policy-potential-and-challenges> (access date: 22.12.2023).
- Mirovalev M.* What role is Russia playing in the Nagorno-Karabakh conflict? // *Al Jazeera*. 19 October, 2020. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/10/19/is-russia-reduced-to-a-secondary-role-in-nagorno-karabakh> (access date: 21.12.2023).
- Mustofaev M.* The Organization of Turkic States: A New Approach to Global and Regional Challenges // *Perceptions. Journal of International Affairs*. 2022. Vol. 27. Iss. 1. P. 105–120.
- Poghosyan B.* US policy in the South Caucasus prior to and after the 2020 Karabakh War in the Context of the Evolving Regional and International Geopolitics // *Journal of Political Science: Bulletin of Yerevan University*. 2022. Vol. 1. № 3. P. 37–50.
- President Urges Removing Barriers to Expansion of Iran-Turkey Trade Ties // *Tanzim News Agency*. 25 January 2024. URL: <https://www.tasnimnews.com/en/news/2024/01/25/3028785/president-urges-removing-barriers-to-expansion-of-iran-turkey-trade-ties> (access date: 30.01.2024).
- Rezaei F.* Iran's Foreign Policy after the Nuclear Agreement: Politics of Normalizers and Traditionalists. London, 2018.
- Speech of the President of Türkiye Recep Tayyip Erdoğan at the 78th session of the United Nations General Assembly // *The America Times*. September 20, 2023. URL: <https://www.america-times.com/speech-of-the-president-of-turkiye-recep-tayyip-erdogan-at-the-78th-session-of-the-united-nations-general-assembly/> (access date: 22.12.2023).
- Statement by the Co-Chairs of the OSCE Minsk Group. Geneva, 28 May 2021 // *OSCE*. 28 May 2021. URL: <https://www.osce.org/minskgroup/487879/> (access date: 21.12.2023).
- The full text of the Shusha Declaration // *Aze. Media*. June 18, 2021. URL: <https://aze.media/the-full-text-of-the-shusha-declaration/> (access date: 20.12.2023).
- Turkey-Iran Rivalry in the Changing Geopolitics of the South Caucasus // *News about Turkey*. 28th September 2023. URL: <https://newsaboutturkey.com/2023/09/28/turkey-iran-rivalry-in-the-changing-geopolitics-of-the-south-caucasus/> (access date: 19.12.2023).
- Vatanka A.* Iran, Turkey, and the future of the South Caucasus // *Middle East Institute*. May 4, 2022. URL: <https://www.mei.edu/publications/iran-turkey-and-future-south-caucasus> (access date: 20.12.2023).
- Veliev C.* Turkey's Role in the South Caucasus // *Academia. The South Caucasus. Between integration and fragmentation*. May 2015. URL: https://www.academia.edu/33562845/Turkeys_Role_in_the_South_Caucasus (access date: 22.12.2023).
- Warlick unveils position of the OSCE Minsk Group and called Baku and Yerevan to accept it // *Turan*. 7 May 2014. URL: <https://turan.az/en/politics/warlick-unveils-position-of-the-osce-minsk-group-and-called-baku-and-yerevan-to-accept-it> (access date: 20.12.2023).